

МУЗЫКА для толстых и худых

Сергей Жилин уверен, что сегодня джаз интересен не только его бабушке

Александр Гаврилов

Рефлексия

-ДАВАЙТЕ начнем с этого: что же такое «Фонограф-джаз-бенд» и что такое «Фонограф-джаз-театр»?

— Во первых, давайте не будем путать. Сегодня работают четыре «Фонографа»: «Фонограф-джаз-бенд», радиоклуб «Фонограф», «Фонограф-джаз-театр» и над всем этим — культурный центр «Фонограф», который порождает все эти маленькие фонографы. Изначально был «Фонограф-джаз-бенд», ансамбль музыкантов, которые любят джазовую музыку, и не только джазовую — рок-н-ролл, ритм-энд-блюз, поп-джаз-рок.

А затем мне стало понятно: чтобы иметь возможность выступать и, извините за такое слово, дарить свое искусство людям — в данном случае будет уместнее слово «продавать», — надо эти концерты научиться организовывать.

Знаете, как у артистов получается: я выхожу на сцену, играю, читаю, танцую — и все. Меня пригласили, заплатили кучу денег — а кто, чего, почему, зачем, — это меня не интересует. Когда-то давно, когда моя бабушка организовывала домашние концерты, если кто-то из присутствующих кашлял или что-то там, не дай Бог, какое-то слово сказал — я тут же заканчивал играть. Все должны были отложить все дела и только слушать, как я играю. Вот именно с таким настроением я входил в большую концертную жизнь. И вот я понял, что с таким положением вещей долго не протянешь. Никто, кроме меня самого, на все 150% не заинтересован в том, чтобы я все время работал.

— Ну, еще бабушка.

— Да, бабушка, безусловно. И поэтому мы с друзьями решили создать нечто вроде фирмы, которая бы занималась продюсерской деятельностью в отношении меня самого, моего коллектива и некоторых других. У нас есть сейчас еще два ансамбля с молодыми музыкантами. Один называется «Фонограф-джаз-квартет», а другой пока никак не называется.

Мы не чураемся никаких стилей и направлений. Может быть интересная фольклорная музыка, может быть — эстрадная. Это не всеядность, а желание многое познать. Интересно и в дискементе что-то сделать, интересно и би-боп поиграть; Чик Кория, который для меня эталон, так же как и Питерсон, хотя музыканты абсолютно разные. Одновременно с этим я очень люблю произведения романтиков, Листа, Грига, мои любимые композиторы — Бетховен, Шопен...

— А радио?

— После того, как организовался культурный центр «Фонограф», мы решили, что хорошо бы иметь что-то такое информационно-радионное. Но — отличающееся от других джазовых передач, которые идут по радио.

И вот появилась такая возможность: меня приняли на радио «Юность». Радиоведущий я был никакой, однако передача идет уже почти год. Я там использую разные современные приемы — джинглы, заставки, перебивочки, что, в принципе, в джазовых программах у нас не делается. В основном, я даю современную музыку, начиная с популярной, которая имеет отношение к джазу, — Мэтт Бьянко, группа «Чикаго», «Земля, ветер, огонь», «Меццо-форте», Дейв Грусин в инструментальных проявлениях. Такой поп-джаз-рок. И заканчиваю я собственно джазовой музыкой, но, опять-таки, это — современные композиции: Чик Кория, Маколь Таймер, Оркестр Всех Звезд.

— А не страшно? Ведь сейчас

Сергей Жилин (р. 1966) окончил ЦМШ при Московской консерватории, а затем — Джазовую студию Юрия Козырева. С 1982 г. руководит «Фонограф-джаз-бендом». В 1995 г. открыл первый сезон «Фонограф-джаз-театра» в помещении театра «Школа современной пьесы», в нынешнем году ставший одной из самых активных джазовых площадок Москвы.

существует как бы такая джазовая резервация — очень маленькая группа людей, по-настоящему живущих джазом. И гораздо большее количество народа, которые при слове «джаз» начинают плевать.

— Это все так еще и потому, что у нас вообще слабо освещается джаз и в печати, и на радио, и на телевидении. Смотришь те же концерты Чик Кория или «Землю, ветер, огонь» — там почему-то все иначе. Хорошее качество стемок, я уж не говорю про звук. И программа — срежиссирована и выстроена. И потом: если Би Би Кинг работает на улице, то зрители все в гавайках, а если в Карнеги-холле, то все в смокингах. А у нас, когда однажды потребовалась на телевидении джазовая программа, взяли то, что было под рукой. А что это за программа, не важно. Соот-

Мы приглашаем интересных солистов — таких, как Игорь Бриль, Алексей Кузнецов, Сергей Манукян, Валера Киселев — и работаем с ними вместе. Главная задача у нас — чтобы это было всегда интересно, всегда динамично. Учимся делать из джазовых концертов шоу.

— А как вы подбираете солистов? Вот тут у вас объявлены Юрий Парфенов и Аркадий Шилклопер. После этих двух фамилий как-то естественно вспоминается главный джаз-шоумен Сергей Летов, которого, между тем, нет.

— Музыканты, которые принимают участие в наших концертах — это или друзья, или просто приятели, но мы каким-то образом с ними знакомы. Я скажу так, что с Сергеем Летовым я просто не знаком. Я знаю, что они делали, и что это было трио с Аркадием Шилклопе-

связывает давняя творческая дружба с главным дирижером Президентского оркестра Павлом Овсянниковым. Он мне сказал: «Будь готов, придет Клинтон, надо будет играть джаз». На всякий случай взяли с собой саксофон.

Полприема я просидел тихо за роялем, уже думал — может, и не надо будет ничего делать. Затем все удалились в банкетный зал, и вдруг оттуда посылались аплодисменты, выходит Клинтон, прямо на ходу берет саксофон, подходит ко мне, на ходу размачивает трость. Что играть? — Summertime в ля миноре. У меня от такой неожиданности все как-то деревянно, много получалось. Потом разошлись. То есть, я разошелся, он-то уже был в настроении. Очень музыкальный дуэт получился. Даже решили сыграть вторую вещь — My Fanny Valentine.

— «Фонограф» — он теперь и театр, и радио, и, глядишь, телевидение, а вот Сергей Жилин — он кто: радиоведущий, администратор, клавишник?

— Водитель. Приходится возить аппаратуру на концерты. Раньше

Сергей Жилин и Уильям Клинтон: музыкальный получился дуэт.

ветственно зритель смотрит и не находит для себя ничего интересного. А когда по первому или второму каналу идет композиция длиной десять минут какой-то — не будем говорить, хорошей или плохой, просто сложной — музыки, человек никогда не досмотрит до конца.

— Ну вот, наконец, мы дошли до «Фонограф-джаз-театра».

— Это с самого начала было стремление двух людей — мое и Иосифа Леонидовича Райхельгауза. Он нас увидел на юбилее «Эха Москвы», потом пригласил на «Дни высокой моды», которые ставил. Мы тогда за неделю подготовили 35 номеров! Они, правда, были очень коротенькие — по минуте, по полторы минуты, но очень много. Репетировали тут с утра до вечера. И потом эти бедные манекенщицы ходили там под «Хамелеона» Хенкока, под Кория, под дискементы какие-то... Вот там мы и уговорились.

Мне очень нравится работать с «Фонограф-джаз-театром» в здании «Школы современной пьесы»: там какой-то такой уют. Мы уже провели четыре концерта в том сезоне, недавно было открытие нового сезона, и, как ни странно, люди ходят. Нам-то было не страшно. Мы сейчас вообще чуть ли не единственная организация в Москве (после ЦДХ), которая ежемесячно проводит джазовые концерты и еще умудряется на них продавать билеты.

ром. Но с Аркашей мы знакомы давно, ездили с ним вместе в Горловку, и работали вместе с Александром Георгиевичем Филиппенко. Он в состоянии играть и авангардную музыку, и классическую джазовую, и традиционную, и современную. Вот что интересно: когда я занимался классикой, я начисто отрицал (классе в седьмом-восьмом) все остальное — джаз, рок-н-ролл. Затем, когда я подошел к традиционному джазу, дискементу, я отрицал классику и весь современный джаз. Затем что-то там еще было, что-то я еще отрицал. В конце концов я пришел к тому, что теперь я ничего не отрицаю.

Может быть, мы в свое время соединимся и с Летовым. А почему нет? Я вообще не против никого, я только — за.

— Вы ведь играли даже с Клинтон. Что это была за история?

— Я хотел бы сейчас сказать: «Ну, это совершенно обычная история. Было дело так...»

На самом деле для меня это была совершенно сногшибательная история. Я никогда ни в одном сне своем не мог представить, что мне выдастся играть джаз с президентом Соединенных Штатов. В первых, страна — прародитель этой музыки, во-вторых, — сам президент! Вообще, с ума сойти.

В один из первых приездов Клинтон в Москву для него тут организовывали прием. А меня

был еще и грузчиком, теперь уже, слава Богу, нет.

Если говорить серьезно, я себя в первую очередь считаю пианистом, во вторую — аранжировщиком, в третью — композитором. В четвертую очередь — дирижером, в пятую — радиоведущим, в шестую — телеведущим. Нет, в шестую — ведущим концертов. Администратор — во всех этих лицах. Мы с моими коллегами придумали (Америку, конечно, не открыли) сценарий телевизионной передачи на 26 минут, которая бы строилась по современным законам — с отбивками, джинглами, с динамичными интервью, живыми номерами, переходами, так, чтобы это привлекало людей к джазу. Нам, конечно, не дают эфира, все это связано и с финансовыми трудностями, но мы и об этом думаем.

А что касается того, о чем вы сказали раньше... Людей, которые воспринимают весь джаз целиком, конечно, не очень много. С другой стороны, они все-таки есть. Тут Матвей Ганапольский подвел ко мне своего сына. «Вот, познакомься». — «Здрасьте». Ему — лет восемь или десять. «Ну, вот спроси его, Сережа, что он слушает». Тот и говорит: «Я слушаю Чика Кория, «Электрик бенд» 86-го года» — и как пошел... Я думаю: ну, ничего себе! Вот если такая молодежь будет расти — а она растет, — будет для кого стараться делать свои программы.